

На правах рукописи

ПОЛЯКОВ Дмитрий Кириллович

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИВНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ:
СИСТЕМА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ**

Специальность 10.02.03 – славянские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2010

Диссертация выполнена на кафедре славянской филологии филологического факультета
ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Валерия Федоровна Васильева

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета
ФГОУ ВПО «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»
Елена Васильевна Петрухина

кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Отдела славянского языкознания
Учреждения Российской академии наук
«Институт славяноведения РАН»
Дарья Юрьевна Анисимова

Ведущая организация: **ФГОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»**

Защита диссертации состоится «___» _____ 2010 г. в 14.30 час. на заседании
диссертационного совета Д. 501. 001. 19 при ФГОУ ВПО «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова» по адресу: г. Москва 119991 ГСП-1, Ленинские
горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки 1-го учебного корпуса
ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Автореферат разослан «___» _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Е. В. Клобуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена описанию системы и функционирования грамматических рефлексивных (возвратных) образований в современном чешском языке. Рефлексивность (возвратность), в типологических исследованиях определяемая как реализация «особого типа однореферентности, а именно полного или частичного совпадения объекта действия (или другого актанта) с субъектом» (Э. Ш. Генюшене, В. П. Недялков), является одной из важных черт ряда индоевропейских языков, в том числе славянских. Формальными показателями рефлексивности в последних служат возвратное местоимение как таковое и элементы, генетически восходящие к его кратким формам винительного и дательного падежей, в чешском языке – возвратные частицы (клитики) *se* и *si*. В данной диссертации рефлексивность рассматривается именно с этой формальной стороны и понимается как структурная характеристика глагола, выступающего в сочетании с компонентом *se*¹. Работа базируется на разграничении **лексической** рефлексивности, когда в результате сочетания нерефлексивного глагола с возвратным компонентом возникает новый глагол (чеш. *oblékat se* ‘одеваться’ и т. п.), и **грамматической** рефлексивности, когда сочетание формы нерефлексивного глагола с возвратным компонентом образует не глагол, а еще одну форму исходного глагола (как, например, в конструкции *svetr se obléká přes hlavu* ‘свитер надевается через голову’).

Рефлексивные образования в широком смысле, под чем понимаются, с одной стороны, лексические рефлексивы (рефлексивные глаголы, РГ), а с другой – грамматические рефлексивы (рефлексивные формы нерефлексивных глаголов, РФ), привлекали и привлекают к себе неослабевающее внимание славистов². Это обусловлено немалыми трудностями, сопряженными с отнесением сочетаний «глагол + рефлексивный компонент» к области лексики / словообразования или морфологии /

¹ Рефлексивные образования с компонентом *si* в чешском языке, описанные в ряде специальных работ и не имеющие отношения к феномену грамматической рефлексивности, в настоящем исследовании не затрагиваются.

² Библиография трудов, посвященных рефлексивности в славянских языках, чрезвычайно обширна. Из работ последнего времени могут быть названы, в частности: *Князев Ю. П.* Рефлексив и реципрок // Князев Ю. П. Грамматическая семантика: русский язык в типологическом освещении. М., 2007; *Grzegorzczkova R.* Zakres tworzenia konstrukcij zwrotnych i wzajemnościowych z zaimkiem się // *Od fonemu do tekstu: prace dedykowane prof. R. Laskowskiemu.* Kraków, 2006; *Panevová J.* Potíže se slovanským reflexivem // *Slavia.* 2008. Č. 3–4.

синтаксиса, с классификацией таких единиц и с нахождением инварианта рефлексивного значения, проявляющегося в чрезвычайном многообразии их семантического спектра (ср. насчитывающий 15 пунктов список значений глаголов с рефлексивным показателем *-ся* в русском языке, составленный В. В. Виноградовым, или девятичленную классификацию А. В. Исаченко). При этом рефлексивность в славянском языкознании изучается в различных аспектах и с разных теоретических позиций. Чешскими учеными она рассматривалась в связи с проблемой определения состава залоговых оппозиций и конкретно с пассивом (Б. Гавранек, Ф. Травничек, Ф. Копечный, М. Грепл, М. Комарек, Ф. Штиха), в связи с конкуренцией рефлексивных форм и иных синтаксических средств устранения семантического субъекта из структуры предложения (М. Грепл, П. Карлик), в рамках выдвинутой российскими типологами теории диатез (М. Комарек, Ф. Штиха) и с точки зрения синтаксических последствий импликации семантического субъекта (Я. Паневова). Помимо этого, рефлексивность в трудах чешских лингвистов описывалась в историческом (Б. Гавранек, Ф. Травничек, Ф. Штиха) и сопоставительном (Р. Мразек, О. Паролкова, Г. Беличова-Кржижкова) плане.

В то же время система грамматических рефлексивных образований (форм) как единиц, составляющих в чешском языке **единый континуум**, до сих пор не была предметом специального анализа. Этот внутренне структурированный континуум рефлексивных образований, имеющих статус грамматических форм либо на него претендующих, рассматриваемый со стороны его системной организации и функционирования отдельных его элементов в современном чешском языке (с обзорным историческим экскурсом), и представляет собой **объект исследования**, предпринимаемого в реферируемой работе.

Соответственно, **целью** диссертации является описание системы и функционирования грамматических рефлексивных образований в чешском языке в их современном состоянии и отчасти в историческом развитии.

Постановка вышеозначенной цели предусматривает решение следующих исследовательских **задач**:

1. анализ взглядов зарубежных (прежде всего чешских) и отечественных лингвистов на грамматическую рефлексивность, преимущественно в ее отношении к категории залога (пассива);

2. характеристика континуума грамматических рефлексивных образований в современном чешском языке в структурном и понятийном аспектах;

3. описание рефлексивного пассива в современном чешском языке с точки зрения образования, семантики, синтаксических свойств и функционирования в тексте;

4. обзор исторического развития рефлексивно-пассивных форм (РПФ) / конструкций и синонимичных им деагентивных конструкций в чешском языке.

Актуальность темы диссертации определяется в первую очередь тем, что при длительной традиции изучения феномена рефлексивности в чешском и других славянских языках представителями различных лингвистических направлений и национальных грамматических школ по сей день не достигнут консенсус в отношении не только конкретных аспектов данного феномена, но также самих принципов и механизма исследования. Ввиду этого реферируемое исследование может внести свой вклад в разработку вопросов, связанных с явлениями грамматической рефлексивности в чешском языке.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые вычленяется и исследуется применительно к современному чешскому языку сложно структурированный континуум грамматических рефлексивных образований, который описывается как единый объект с использованием различных научных методов и методик, а также в привлечении нового языкового материала.

При анализе собранного материала в диссертации применялись **системно-структурный** и **функциональный методы**, а в диахронной части также **сравнительно-исторический метод** по отношению к синхронным срезам.

Материал исследования в синхронных разделах работы черпался в основном из чешской художественной литературы, начиная с произведений К. Чапека и заканчивая новейшими текстами 1990-х – 2000-х гг., а также из публицистики и средств массовой информации, включая электронные, далее – из кинофильмов, теле-, радиопрограмм и из живой разговорной речи, в том числе фиксируемой в сети Интернет. Использовались также примеры из работ других исследователей (с указанием источника). Помимо этого, привлекались данные Чешского национального корпуса (подкорпусов SYN 2000, SYN 2005 и SYN 2006PUB, включающих художественные, публицистические, научные и научно-популярные тексты, большей частью относящиеся к периоду между 1990 и 2005 гг.). Таким образом, в диссертации

охвачен разнообразный материал, представляющий современное состояние как литературного чешского языка в различных функциональных разновидностях, так и разговорного чешского языка. В диахронном разделе, кроме примеров, приводимых в исторических грамматиках чешского языка и других исследованиях, а также данных исторической части Чешского национального корпуса (DIAKORP), были использованы наши собственные извлечения из памятников XIV и XVI вв., отражающих два синхронных среза в диахронии. Диалектный материал был заимствован из диалектологических работ, а в ряде случаев самостоятельно извлечен из чешских диалектных текстов.

Теоретическая значимость реферируемой диссертации определяется тем, что при рассмотрении в ней феномена рефлексивности, в котором синтезированы грамматические, лексические и словообразовательные явления, освещаются такие важные для общей теории языка категории, как залог, диатеза, деагентивность, модальность и другие.

Научно-практическая значимость настоящего исследования состоит в том, что его результаты могут найти отражение в грамматических описаниях современного чешского языка, а также в университетских курсах грамматики и отчасти истории и диалектологии чешского языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Грамматические рефлексивные образования (рефлексивные формы) в современном чешском языке составляют внутренне дифференцированный, но единый континуум, в который входят: а) личные и безличные рефлексивно-пассивные формы (РПФ), представляющие граммы категории залога, типа *dům se staví* ‘дом строится’, *o tom se mluvilo* ‘об этом говорилось’; б) личные и безличные рефлексивные формы в так наз. «реляционных» конструкциях с валентностями для семантического субъекта в дательном падеже и адвербиального квалификатора типа *tato písnička se mi poslouchá příjemně* ‘мне эту песню слушать (букв. эта песня слушается) приятно’ и *žije se mi dobře* ‘мне хорошо живется’.

2. Личные РПФ образуют ядро грамматической рефлексивности, от которого по признаку нефокусирования внимания на семантическом объекте в позиции подлежащего оказываются в разной степени удалены безличные РПФ, максимально – «безактантные» формы в конструкциях типа *šlo se cestou necestou* ‘шли (букв. шлось)

не разбирая дороги'. Обе эти группы форм относятся к центральной области грамматической рефлексивности.

3. Периферию грамматической рефлексивности составляют формы, выступающие в реляционных конструкциях. Эти формы, грамматичность которых проявляется в регулярных парадигматических связях реляционных конструкций с рефлексивно-пассивными, не просто сигнализируют понижение коммуникативного ранга семантического субъекта в результате реинтерпретации говорящим той же ситуации, как при пассивной трансформации, но обладают собственной семантикой, маркируя неподконтрольное субъекту (инволюнтное) состояние. Область грамматической рефлексивности, таким образом, оказывается шире области рефлексивного пассива.

4. Примарным значением личных и безличных РПФ является деагентивное значение: эти формы сообщают о действии / состоянии устраненного из конструкции, но всегда имплицитного обобщенно- или неопределенно-личного субъекта. На базе примарного значения у РПФ развиваются контекстно обусловленные вторичные функции, а именно актуализирующая, модальная и побудительная, характерные в равной степени для личных и безличных форм.

5. Становление в чешском языке разветвленной системы личных и безличных РПФ, близкой к современной, можно датировать первой третью XVI в.

Апробация работы. Результаты исследования выносились на обсуждение на нескольких конференциях, где были сделаны следующие доклады: апрель 2006 г. – МГУ, международная конференция «Ломоносов», доклад «Возвратные конструкции типа *šlo se cestou necestou* в системе залоговых отношений в современном чешском языке»; октябрь 2006 – Карлов университет (Прага), международная конференция молодых славистов, доклад «Об одном типе безличных конструкций в современном чешском языке на фоне других славянских»; апрель 2007 – МГУ, международная конференция «Ломоносов», доклад «Семантика синтаксической конструкции в свете ее контекстных связей»; октябрь 2007 – Карлов университет (Прага), международная конференция молодых славистов, доклад «Мнимая калька с немецкого: конструкции типа *kam by kamenem dohodil* и их функционирование в литературном чешском языке и в чешских диалектах»; декабрь 2008 – Карлов университет (Прага), семинар молодых ученых «Žďárek», доклад «Маргинальное употребление рефлексивной глагольной формы в современном чешском языке»; сентябрь 2009 – Гамбургский

университет, международная конференция европейских славистов «POLYSLAV», доклад «“Устранение субъекта” в славянских языках в сравнительно-историческом и ареальном аспектах»; март 2010 – МГУ, международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность», доклад «Потенциальные члены залоговых оппозиций в современном русском языке (на фоне других славянских)»; апрель 2010 – Университет свв. Кирилла и Мефодия (Трнава), доклад «К вопросу о субъекте пассивных конструкций в современном чешском языке».

Структура диссертации. Реферируемое диссертационное сочинение состоит из введения, четырех глав (одной общетеоретической и трех собственно исследовательских), заключения, списка источников и списка использованной научной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** намечается общая проблематика исследования, определяются его цели и задачи, характеризуются материал и методы исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и научно-практическая значимость.

Глава 1 «Изучение грамматической рефлексивности в ее отношении к категории залога в чешской лингвистике» содержит обзор основных чешских работ XX и начала XXI в., посвященных феномену грамматической рефлексивности, рассматриваемой в первую очередь в ее отношении к категории залога. В истории исследования данного явления чешскими лингвистами выделяются три этапа.

Первый этап, длившийся с конца 1920-х по начало 1950-х гг., характеризуется противостоянием концепций Б. Гавранека и Ф. Травничека, работы которых, несмотря на их во многом диахронную направленность, создали основы для синхронного изучения категории залога в чешском языке. На этом этапе была также выработана основная терминология, в модифицированном виде используемая при описании залога и поныне. Б. Гавранек подверг критике традиционное определение залога как категории, выражающей отношения лишь синтаксического субъекта (подлежащего) и предиката (сказуемого), полагая, что при подобном подходе неправомерно игнорируются распространенные в славянских языках предложения без формального подлежащего (безличные). Категорию залога он видел «там, где при тождественном смысловом содержании (вещественном, интеллектуальном) меняется

отношение глагольного действия к субъекту (синтаксическому – *Д. П.*) или к конструкции предложения вообще»³. Таким образом, суть пассивной трансформации, по Б. Гавранеку, состоит в том, что подлежащим «преобразованного» предложения не является агенс действия (Гавранек считал пассивизацию возможной лишь для акциональных глаголов); конструкции с подлежащим, соответственно, ученый назвал «личным пассивом» (*dům se staví* ‘дом **строится**’), а без подлежащего – «безличным пассивом» (*napřed se mlátí, potom se platí* ‘сперва **молотят**, потом **платят**’ /букв. *молотится, платится*/).

Ф. Травничек также признавал категорию залога характерной лишь для акциональных глаголов, однако расходился с Б. Гавранеком в трактовке безличных конструкций. По Травничеку, если производитель действия является подлежащим или если подлежащее отсутствует, форма глагола относится к активному залогу; если же производитель действия находится не в позиции подлежащего, можно говорить о пассивном залог⁴.

Обе принципиально отличные друг от друга концепции критически оценил и обобщил в 1954 г. Ф. Копечный, чья программная статья «Пассив, рефлексивная форма глагола и рефлексивный глагол» открыла второй этап разработки прежде не разрешенных проблем, связанных с категорией залога, с пассивом и рефлексивными формами. Для этого этапа (до конца 1960-х гг.) характерен сопоставительный, в первую очередь межславянский аспект исследования залога в тесной связи с категориями личности/безличности, односоставности/двусоставности, а также с активно разрабатываемым тогда понятием интенции глагольного действия. При трактовке пассива лингвисты, как правило, принимали концепцию Б. Гавранека либо вслед за Ф. Травничеком разделяли залог и безличность.

Третий этап в изучении чешского залога начался на рубеже 1960–1970-х гг. в связи с появлением концепции деагентизации, авторы (прежде всего М. Грепл⁵) и приверженцы которой выработали теорию, во многом пересекающуюся с теорией диатез, выдвинутой в те же годы российскими учеными-типологами

³ *Havránek B. Genera verbi ve slovanských jazycích I. Praha, 1928. S. 14.*

⁴ *Trávníček F. Mluvnice spisovné češtiny. D. II. Praha, 1951. S. 1367.*

⁵ См., напр., *Grepl M. Deagentnost a pasívum v slovanských jazycích // Československé přednášky pro VII. Mezinárodní sjezd slavistů ve Varšavě. Lingvistika. Praha, 1973.*

(А. А. Холодович, И. А. Мельчук, В. С. Храковский). М. Грелл попытался найти инвариантное значение «личного» и «безличного» пассива, избежав сложного перекрещивания морфологических и синтаксических критериев, характерного для лингвистов, разделявших вслед за Ф. Травничеком залог и безличность. Таким инвариантом было признано деагентивное значение, а конституирующим признаком деагентивных конструкций – нахождение семантического субъекта не в позиции подлежащего. В результате к подобным конструкциям были отнесены как причастный и рефлексивный пассив, так и конструкции с формами 2 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. в обобщенно- и неопределенно-личном значении. В русле характерной тогда для мировой лингвистики семантизации грамматических описаний данные формы / конструкции стали рассматриваться в рамках этой концепции в качестве средств иерархизации семантической структуры предложения (пропозиции). При этом круг интерпретируемых как деагентивные типов предложений со временем значительно расширился – настолько, что некогда центральная для грамматистов проблематика собственно залога, как это запечатлел заголовок соответствующего раздела сопоставительной работы А. В. Исаченко «Залог глагола и смежные вопросы», в современной чешской лингвистике перемещается скорее именно в разряд *смежных вопросов*.

При всех своих издержках теория деагентизации, которая представляет собой продолжение классической концепции Б. Гавранека и созвучна идее «устранения подлежащего», развивавшейся в российском языкознании еще А. А. Потебней, представляется плодотворной и перспективной в том числе для целей настоящего исследования, так как она позволяет рассматривать личные и безличные рефлексивные формы в чешском языке как внутренне дифференцированный, но единый комплекс в рамках сложно устроенного континуума грамматической рефлексивности.

Глава 2 «Континуум грамматических рефлексивных образований в современном чешском языке» посвящена прежде всего описанию с о с т а в а и с т р у к т у р ы данного континуума. Из всех рефлексивных образований здесь вычленяются те, которые имеют грамматический статус (РФ). Это в первую очередь рефлексивно-пассивные формы (личные, типа *dím se staví*, и безличные, типа *o tom se mluvilo*), а также рефлексивные формы в так наз. «реляционных» (термин Р. Мразека)

конструкциях с валентностями для семантического субъекта в дательном падеже и адвербиального квалификатора (также личные, типа *tato písnička se mi poslouchá příjemně*, и безличные, типа *žije se mi dobře*).

Если грамматический статус РПФ не требует доказательств (к грамматическим их причисляет большинство лингвистов), то РФ в реляционных конструкциях вообще не рассматриваются чешскими языковедами как морфологические образования: в имеющихся работах, посвященных рефлексивности, с точки зрения формального и функционального синтаксиса анализируются не сами эти формы, но конструкции с ними. В реферируемой диссертации, напротив, также такие формы признаются грамматическими. Основаниями для этого служат регулярность их образования и употребления, а также – в решающей мере – их регулярные парадигматические связи с формами личного и безличного рефлексивного пассива: *Staví se (domek) ‘Строится домик (Строим)’ ↔ Tak ať se Vám (domek) dobře staví*, букв. ‘Пусть же вам (домик) строится хорошо’.

В реляционных конструкциях речь может идти о двойной предикации: так, вышеприведенные примеры *žije se mi dobře* и *tato písnička se mi poslouchá příjemně* «распадаются», соответственно, на компоненты *žije se* ‘живется’ и *je mi dobře* ‘мне хорошо’, аналогично *tato písnička se poslouchá* ‘эта песня слушается’ и *je mi příjemně* ‘мне приятно’. При этом, несмотря на возможность вычленения здесь рефлексивно-пассивной предикации, мы не относим РФ в реляционных конструкциях к пассивному залогу: сравнение «исходной», личной конструкции с реляционной обнаруживает не просто изменение коммуникативного плана, реинтерпретацию говорящим той же самой ситуации (как в случае пассива), но более глубокое изменение самой ситуации, поскольку реляционные конструкции независимо от того, конституируют ли их акциональные или статальные глаголы, имеют инвариантное значение неподконтрольного субъекту состояния (по Г. А. Золотовой, «инволюнтивность»). Данное положение противоречит принимаемому нами определению залога как словоизменительной категории, «граммемы которой маркируют такие изменения базовой диатезы глагола, которые не затрагивают пропозициональное значение этого глагола, т. е. не меняют его смысл»⁶.

⁶ Мельчук И. А. Определение категории залога и исчисление возможных залогов: 30 лет спустя // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. СПб., 2004. С. 289.

Таким образом, грамматическая рефлексивность лишь отчасти «перекрывается», но не совпадает с областью пассивного залога, представленной граммемами так наз. «рефлексивного» и «причастного» пассива. Центром рефлексивного пассива являются личные формы. Глагол в них чаще всего имеет акциональное значение, а описываемое им действие «переходит» на объект. Однако к РПФ мы относим также формы «неактуально переходных» глаголов, т. е. переходных глаголов с отсутствующим объектом, и далее – непереходных объектных, безобъектных акциональных и статальных глаголов. Семантический субъект в таких конструкциях всегда персонален, а так как прототипическими свойствами персонального субъекта являются агентивность и целеполагание, способность совершать осмысленные действия, это дает основания считать личные РПФ центральными, а безличные РПФ безобъектных статальных глаголов – наиболее удаленными от центра формами рефлексивного пассива.

В главе подробно рассматриваются факторы (как системно-структурные, так и функциональные), побуждающие рассматривать личные и безличные РПФ как части единого целого:

- 1) их одинаково свободное образование по крайней мере от лексически невозвратных (а в речи в ряде случаев и возвратных) глаголов;
- 2) их одинаково регулярные парадигматические отношения с личными формами актива – трансформация в принципе любой конструкции с активным глаголом в конструкцию с личной или безличной РПФ, ср. примеры П. Адамца: *Pracujete* → *Pracuje se* ‘Мы работаем → ‘Работаем’ (букв. *работается*); *Jedli a pili* → *Jedlo se a pilo* ‘Они ели и пили’ → ‘Ели и пили’ (букв. *елось и пилось*); *Mluvili jste o gramatice?* → *Mluvílo se o gramatice?* ‘Вы говорили о грамматике?’ → ‘Говорилось о грамматике?’; *Zde stavějí školu* → *Zde se staví škola* ‘Здесь строят школу’ → ‘Здесь строится школа’; *Kdy budeme projednávat tu otázku?* → *Kdy se bude projednávat ta otázka?* ‘Когда будем обсуждать этот вопрос?’ → ‘Когда будет обсуждаться этот вопрос?’⁷;
- 3) их тесные синтагматические связи в тексте, включая возможность обслуживания нескольких личных и безличных РПФ одним общим рефлексивным компонентом и развертывание безличной конструкции в личную, ср.: *Po cestě se lidé častovali, dětem se dávaly koláče nebo pamlsky, výskalo a zpívalo* ‘По дороге люди угощали

⁷ *Adamec P. Dvě poznámky ke slovesnému rodu // Jazykovedný časopis. 1967. Č. 2.*

друг друга, детям **раздавались** пироги или сладости, [люди] **горланили** и **пели**' (букв. *горланилось и пелось*);

- 4) частое употребление одних и тех же РПФ как в личных, так и в безличных конструкциях за счет того, что а) переходные глаголы могут выступать в непереходном употреблении; б) некоторые глаголы в активе могут сочетаться, помимо винительного, также с другими падежами, ср. примеры с глаголом *vyučovat* 'обучать, учить', обнаруживающим колебания в управлении вин. / дат. п.: а) *Ve škole na malém Břevnově se vyučuje 100 let* 'В школе в малом Бржевнове **учат** [уже] сто лет'; б) *V kurzech anglického, románského, germánského a slovanského oddělení se vyučovala angličtina, němčina, ruština, francouzština...* 'На курсах английского, романского, германского и славянского отделений **изучались английский, немецкий, русский, французский языки...**', но *V této škole se až do roku 1940 vyučovalo pouze angličtině* 'В этой школе до 1940 года **учили** только английскому языку';
- 5) наличие пограничных между безличным и личным употреблением РПФ случаев их сочетаемости с «неканоническим подлежащим», в том числе с придаточными предложениями и прямой речью: *Tak to bylo, že se zavolalo a řeklo se: soudruhu na sekretariátě, hele, přimluv se támhle, nebo tadyhle* 'Было так, что **звонили** (букв. *позвонилось*) и **говорили** (букв. *сказалось*): «Товарищ в секретариате, слушай, похлопочи там-то и там-то»';
- б) наличие случаев, когда конструкция с РПФ не может быть однозначно определена как личная или безличная: *Je takový nepsaný zákon tábora: Kdo nesní chleba hned, když se **fasuje**, ten v lágru dlouho nežije* 'Есть такой неписанный лагерный закон: кто не съест хлеб сразу, во время **раздачи** (букв. *когда раздается* [хлеб?]), тому в лагере долго не прожить' (возможна интерпретация конструкции либо как безличной, либо как личной с эллипсисом подлежащего).

В главе рассмотрены также различия между личными и безличными РПФ и факторы, затрудняющие их объединение:

- 1) в конструкциях с личными РПФ в результате фокусирования внимания на семантическом объекте, перемещающемся в позицию подлежащего, он приобретает известные черты семантического субъекта, развивая диффузное значение одновременно объекта и субъекта направленного на себя действия или

носителя состояния / свойства. С этим косвенно связана также частая омонимия таких РПФ с лексически рефлексивными автокаузативами и декаузативами, разрешаемая контекстуально и/или ситуативно: *Velmi důležité – trouba nesmí být zavřená (rajčata **by se upekly**)...* ‘Очень важно, чтобы духовка не была закрыта (а то помидоры **запеклись бы**)...’ – декаузатив, но *Jako předkrm byly podávány tapasy z datlí plněných mandlemi zabalených do špeku, které **se upekly a podávaly s párátkem za tepla*** ‘В качестве закуски подавались тапасы из фиников, начиненных миндалем и завернутых в шпик, которые **запекались** (букв. *запеклись*) и **подавались** со шпажкой горячими’ – пассив;

- 2) конструкции с безличными РПФ глаголов, не могущих иметь либо в данном употреблении не имеющих дополнения, оказываются формально однокомпонентными, что противоречит их глубинной семантической структуре: семантический субъект в них лишь имплицирован и не имеет поверхностного выражения.

Указанное противоречие разрешается иногда разворачиванием безлично-пассивной конструкции в лично-пассивную путем добавления в качестве вводного члена семантического объекта в позиции подлежащего, как в случае *A **pak se jedlo, pilo** (nejvíce teda nealko pivo)...*, букв. *А потом елось, пилося* (большой частью, конечно, безалкогольное пиво)... Рефлексивная безлично-пассивная конструкция может быть также «развернута» в сторону нерефлексивной активной с введением на правах особо вынесенного члена прямого объекта-дополнения, как в случае *A **pak už se jen oceňovalo. Nejprve vítěze foto soutěže**...*, букв. *А потом уже только оценивалось. Вначале – победителя фотоконкурса...*, либо даже субъекта-подлежащего: ***Vyrábělo se všechno, na co si vzpomenete; malovalo se na všechno, na co se dá; mailovalo se (děti i dospělí) a mailovalo a mailovalo**...* ‘Изготавливали (букв. *изготавливалось*) все, что только может прийти в голову; **рисовали** (букв. *рисовалось*) на всем, на чем только можно; **переписывались** по мейлу (дети и взрослые), и **переписывались**, и **переписывались**... (букв. *переписывалось*)’.

Далее в главе анализируется функционирование рефлексивных форм в личных и безличных р е л я ц и о н н ы х к о н с т р у к ц и я х . Конструкции этого типа (прежде всего безличные – в силу их статальной семантики) в современном чешском языке довольно разнообразны как по репертуару входящих в них глаголов, принадлежащих

к различным лексико-семантическим разрядам (глаголы физического, физиологического, ментального действия, глаголы движения, глаголы состояния) и различных по своим синтаксическим свойствам (переходные в непереходном употреблении, непереходные объектные, безобъектные), так и с точки зрения заполнения / незаполнения валентности семантического субъекта (экспериента) и характера выражения оценки наречными квалификаторами либо иными компонентами (ср. ненаречный оценочный член в примере *ted' se dýchá jedna radost* букв. 'теперь дышится просто радость').

Специфичен чешский тип реляционных конструкций с *to*, функционирующим то как местоимение, то как частица, близкая адвербиальным квалификаторам и часто берущая на себя их роль, ввиду чего различие между личной и безличной конструкциями порой стирается: *Tobě se to řekne!* 'Тебе хорошо говорить (это, такое?)'. В целях усиления данный компонент может удваиваться: *To se ti to kecá, když nevíš, co je chomout rodiny* 'Тебе хорошо болтать, когда ты не знаешь, что значит семья на шее'.

Наконец, в непринужденных коммуникатах реляционные конструкции могут образовывать и формы лексических рефлексивов (включая reflexiva tantum): *To se nám to směje...* 'То-то нам смешно' (букв. смеется, лексический рефлексив – *smát se*).

Глава 3 «Рефлексивный пассив в современном чешском языке: образование, семантика, синтаксис, функционирование в тексте» содержит подробный анализ рефлексивно-пассивных форм в современном чешском языке как наиболее грамматикализованных рефлексивных образований.

Образование РПФ потенциально возможно от любого невозвратного глагола, обозначающего деятельность / состояние человека. Исключения в данном случае можно задать списком: так, в силу разных причин такой формы нет у глаголов *znát, mít, chtít*. Как показала статистика, полученная в результате сплошной выборки прежде всего художественных и публицистических текстов, РПФ образуют прежде всего акциональные глаголы, однако встречаются и примеры РПФ глаголов статальных, прежде всего, *sedět, mlčet, žít, stát, vědět, čekat, rozumět* и других. Это позволяет скорректировать утверждение М. Грепла и П. Карлика о невозможности образования в литературном чешском языке РПФ статальных глаголов⁸. Данный

⁸ Grepl M., Karlík P. Gramatické prostředky hierarchizace sémantické struktury věty. Brno, 1983. S. 39.

запрет ограничивается глаголами посессивными и экзистенциальными: при помощи анкетирования носителей чешского языка было выяснено, что говорящие, с одной стороны, дистанцируют РПФ этих глаголов от своего (и общечешского) узуса, а с другой – допускают их намеренное употребление в определенных коммуникативных условиях.

Как показал дальнейший анализ, регулярным является также образование РПФ в сочетаниях смыслового глагола с модальными глаголами *muset, mít, smět, moci* и фазовыми *začínat, končit*, иногда – с контекстной элиминацией смыслового глагола: *Právě proto, že na trhu je příliš velká nabídka, muselo se s cenami dolů*. ‘Именно из-за того, что предложение на рынке слишком велико, цены **надо было опускать**’ (букв. *пришлось с ценами вниз*).

Также были обнаружены примеры реализации РПФ (в разговорном чешском языке) от исходно рефлексивных глаголов, в том числе reflexiva tantum: *Spalo se, hrály se karty, dívalo se na film, pletly se copánky* ‘Спали, играли в карты, смотрели кино, плели косички’ (букв. *спалось, игрались, смотрелось, плелись*; лексический рефлексив – *dívat se*).

Семантической доминантой РПФ является **персональность**, т. е. их способность обозначать действие исключительно одушевленного субъекта, прежде всего – человека. Согласно данным типологических исследований, персональность вообще является дифференциальным признаком безличного пассива; при этом материал чешского языка показывает, что такой вывод можно распространить и на лично-пассивные формы. В редких контекстах типа *odkanalizování viaduktu u nádraží, který se zaplavuje při větším dešti vodou* ‘прокладка отводного канала от привокзального виадука, который при сильном дожде **заливает** водой’ (букв. *заливается*) глагол однозначно интерпретируется как декаузатив (*viaduk zatopляется*), а существительное в творительном падеже – как адвербиальное по существу обозначение вызвавшей такое действие внешней силы. Метафорически в качестве такой стихийной силы могут быть представлены иногда и живые существа, ср.: *Praha se zaplavila americkými mladíky pochybných mravů* ‘Прага **наводнилась** американскими юнцами сомнительных нравов’; *Polou osvětlená síň se naplňovala muži a ženami* ‘Полуосвещенный зал **заполнялся** мужчинами и женщинами’. Эти примеры свидетельствуют о том, что в чешской рефлексивной конструкции дополнение в

творительном падеже не имеет значения деятеля; напротив, рефлексивно-пассивная конструкция даже при появлении такого дополнения, которым может обозначаться инструмент, средство, причина или «проводник» действия, подразумевает невыражение персонального семантического субъекта, имплицитного в качестве такового только контекстом.

В главе приводятся исключения из данного правила, когда человеку уподобляются животные, которых говорящий также может наделять агентивными свойствами: *Tak dneska po ránu dostala štěňátka 1. injekci – moc se jim to nelíbilo, vrčelo se a štěkalo, ale za chvíli se na všechno zapomnělo!* ‘Сегодня с утра щенятам сделали первый укол – им это совсем не понравилось, они **рычали** и **лаяли**, но быстро обо всем **забыли!**’ (букв. *рычалось, лаялось, забылось*).

В рамках первичной семантической функций РПФ – деагентизации – с опорой на русскую грамматическую традицию предлагается выделять для данных форм значения **неопределенно-личное** и **обобщенно-личное**, что для чешского глагола, не различающего их морфологически, возможно лишь на уровне семантики. Данное разграничение проводится в работе на базе ситуативно-контекстных показателей. Так, **обобщенно-личное** значение РПФ появляется в текстах неактуального характера (в том числе с нулевым предтекстом), не отсылающих к коллективному опыту говорящего и слушающего. В таких текстах описывается стабильное, «вечное» положение вещей, ситуация имеет атемпоральный характер: *Jak se do lesa volá, tak se z lesa ozývá* ‘Как **аукнется**, так и **откликнется**’; *Když se opravuje moc, dělají se chyby* ‘Если много **исправлять, делаешь** ошибки’. Роль семантического субъекта в данных коммуникатах сведена к минимуму; иногда речь идет даже не столько о переносе акцента с субъекта на действие, сколько о действии как характеристике иного актанта, ср. пример из толкового словаря: *mluvítka <...> část telefonního přístroje, do níž se mluví* ‘трубка – часть телефонного аппарата, в которую **говорят**’ (букв. *говорится*).

Неопределенно-личное значение РПФ находим (1) при отсылке к ситуации, представляющей собой известный опыт говорящего либо коллективный опыт говорящего и слушающего, но без экспликации субъекта в контексте, а также (2) при эксплицитном указании на семантический субъект с помощью локативных форм и/или при ином указании на него в (3) предтексте или (4) посттексте: (1) *Návštěvník, o*

němž se ještě neví, prodlí očima na předmětech domova ‘Посетитель, о котором еще **не знают** (живущие в доме – Д. П.), обводит глазами обстановку’; (2) *V naší rodině a mezi spolužáky se o takových věcech nemluví* ‘В нашей семье и среди однокурсников о таких вещах **не говорят**’; (3) *Konkurencí mi budou závodníci z Rakouska, Polska, Německa, Slovenska či Maďarska. Bojovat se bude o finanční odměny, jež dosáhnou výše 102000 korun* ‘Соперничать с ним будут спортсмены из Австрии, Польши, Германии, Словакии и Венгрии. **Борьба будет вестись** за денежное вознаграждение, размер которого достигнет 102000 крон’; (4) *Pilo se, jedlo a povídalo. Měli jsme o čem* ‘Мы **пили, ели и болтали** (букв. *пилось, елось и болталось*). У нас было, о чем [поболтать]’.

При этом контекст или, шире, ситуация может имплицировать включенность в выраженное посредством РПФ событие также говорящего и адресата сообщения в качестве активных действующих лиц: *V tu chvíli vím jen velmi, velmi málo o Stalinovi, o kterém se v Čechách nemluví* ‘В тот момент я очень мало, совсем мало знаю о Сталине, о котором в Чехии не говорят’ (= мы в Чехии не говорим, в том числе сама пишущая и ее читатели). Подобные случаи близки к сфере реализации РПФ вторичных семантических функций, т. е. контекстно и коммуникативно обусловленных значений.

Были также выявлены три вторичные функции РПФ, возникающие как бы вопреки основной, деагентивной, «анонимизирующей» семантический субъект. Это функции **актуализирующая, модальная** (в широком смысле) и **побудительная** (разновидность модальной, которую мы выделяем в качестве особой вторичной функции ввиду широкого распространения РПФ в конструкциях со значением побуждения и сопряженности этого значения с актуализацией, т. е. с обращением к конкретному лицу). В **актуализирующей** ситуации РПФ предсказывает действие / состояние не просто лицам, известным из контекста, но участникам данного коммуникативного акта: *Nic se mi neřeklo, když jste připravovali ten cirkus!* ‘Мне ничего **не сказали** (букв. *не сказалося*), когда вы готовили этот цирк!’; *„Tři minutky a už se to nese!“ volá matka. „Vydržte!“* <...> *Matka přináší mísu horký polívku* ‘– Три минутки, и уже **несу** (букв. *несется*)! – кричит мать. – Потерпите! <...> Мать приносит супницу с горячим супом’; *Šikovně si toho malýho kruťáka skolil, to zas jo, to se voceňuje! Vyrost si!* ‘Ловко ты свалил этого мелкого изверга, ничего не скажешь,

хваляю (букв. *это ценится*)! Ты вырос!’ Широкое использование РПФ в актуализирующей функции в разговорной речи подтверждается примерами типа *Tak se sedělo, plánovalo se, kam pojedete na dovolenou...* ‘И вот мы **сидели** (букв. *сиделось*), **планировали** (букв. *планировалось*), куда поедем в отпуск...’

РПФ в **модальной** функции выступают с дополнительными коммуникативными «наслоениями» (модальность желательности, запрета, возможности / невозможности): *Na test ptačí chřipky se čeká několik dnů* ‘Теста на птичий грипп **приходится ждать** несколько дней’; *Dobrá diplomka se pozná podle toho, že má dlouhý a věčný závěr* ‘Хорошую дипломную работу **можно узнать** по тому, что у нее обширное заключение по существу дела’. Помимо данных случаев имплицированной модальности, распространено также ее выражение собственно модальными глаголами: *„Ani slovo se na tom nesmí změnit! Hotová bible!“* – *„To se musí rozšířit filmem i do nejmenších vesniček!“* ‘ – Здесь **нельзя менять** ни одного слова! Настоящая библия! – При помощи кино это **должно прийти** до самых маленьких деревушек!’; *... role pana WZ má obsahovat co nejmíň mluveného textu, protože pan WZ neumí vůbec mluvit; ale po těch stránkách se může námět upravit až dodatečně* ‘... роль актера WZ должна иметь минимум разговорного текста, так как актер WZ вообще разговаривать не умеет; но в этом плане сценарий **можно подправить** (букв. *может подправиться*) позже’.

Наконец, актуализация примарно деагентивной семантики РПФ по отношению к участникам коммуникативной ситуации может обуславливать развитие ими вторичного значения побуждения, обращенного говорящим к собеседнику / собеседникам, в том числе с включением самого себя, а также только к самому себе. В этих случаях РПФ оказываются синонимичны формам императива или индикатива в императивной функции: *Pochopil jsem, že mohu ve svém životě dělat něco lepšího. Tak jsem si řekl: **Jde se!*** ‘Я понял, что могу в жизни заняться чем-то получше. И я сказал себе: «**Вперед!**»’ (букв. *идется*); *„Tak můžete jet,“ oddychne si režisér. „**Točí se!**..“* ‘ – Значит, можно начинать, – облегченно вздыхает режиссер. – **Мотор! / Снимаем!**’ (букв. *снимается*). Впрочем, коммуникативная актуализация семантики РПФ не является непременным условием реализации вторичного значения побуждения. Побудительная модальность, сближаясь с другими видами модальности (долженствования / запрета, желательности / нежелательности, возможности /

невозможности), окрашивает также первичное обобщенно-личное значение РПФ, что особенно характерно для текстов инструктивного характера, ср. рекомендацию любителям разведения рыб *Raději krmíme vícekrát denně a méně, než naopak. V noci se nekrmí...* ‘Кормить лучше несколько раз в день и поменьше, чем наоборот. Ночью **не кормить** (букв. *не кормятся / не кормится*)...’ и иной инструктивный текст: *Cože, ty nevíš, co se s tím dělá? Inu, strčí se k tomu čumáček, vyplázne se jazyk, namočí se v tom bílém a honem se zasune zpátky...* ‘Как, ты не знаешь, что с этим **делают**? Итак: сюда **суется** носик, **высовывается** язык, **намачивается** в этом белом и быстро **засовывается** обратно...’.

На уровне синтаксиса важнейшей чертой чешских РПФ, в отличие от причастно-пассивных, является отсутствие у них валентности для так наз. субъектного дополнения. В результате чешская рефлексивно-пассивная конструкция оказывается максимально отвлеченной от семантического субъекта, на который в случае необходимости может быть лишь косвенно указано в контексте: *Podpis Smlouvy kupní se ověřuje u notáře* ‘Подписание Договора купли-продажи **заверяется у нотариуса**’ (ср. причастно-пассивную конструкцию ... *je ověřován notářem* ‘заверяется нотариусом’); *schvaluje se 7 hlasy přítomných* ‘**принимается 7 голосами присутствующих**’ (но *schváleno všemi přítomnými* ‘принято всеми присутствующими’; при этом тв. п. *7 hlasy* выражает не субъектное дополнение, а обстоятельство, характеризующее процедуру голосования) и т. п. Проанализированы отклонения от этого правила, а именно спорадически встречающиеся конструкции с РПФ и субъектным дополнением в творительном падеже типа *Stěhování se provádí stěhovacími vozy a kvalifikovanými pracovníky* ‘Перевозка **производится** транспортировочными машинами и квалифицированными рабочими’. В данном примере, однако, дополнение в форме тв. п. одушевленного существительного *pracovníky* ‘рабочими’ следует непосредственно за формой «творительного орудийного» *vozy* ‘машинами’ и явно не может считаться чисто «агентивным».

В главе проанализированы также синтагматические связи РПФ разнообразных глаголов в тексте, где они часто объединяются общим для них компонентом *se*. В разговорном чешском языке в такой цепочке однородных форм рефлексивного пассива бывают способны фигурировать – при одном, обслуживающем всю группу, или повторяющемся *se* – и лексически рефлексивные глаголы: *Každý z nás si dal, co*

mu bylo milé, a popíjelo se, smálo se, bavilo se a zase se popíjelo a ťukalo a smálo a pořád dokola... ‘Каждый из нас взял себе то, что ему было по вкусу, и [все] **пили, смеялись, болтали** – и опять **пили, и чокались, и смеялись**, снова и снова...’ (лексический рефлексив – *smát se*). Ряд РПФ с таким общим *se* может завершать даже чисто именное, «назывное» обозначение деятельности: *a pak se přálo, slavilo, bavilo, hrálo, zpívalo, povídalo, mluvilo, tančilo a spousta dalších jiných činností až do časného rána* ‘а потом **поздравляли, праздновали, развлекались, играли, пели, разговаривали, болтали** и куча других занятий до самого утра’.

Можно утверждать, что личные и безличные РПФ в современном чешском языке являют собой парадигматически регулярное и универсальное средство а б с о л ю т н о й деагентизации, которое позволяет представить действие в отвлечении от конкретного носителя, как совершающееся само по себе (ср. реплику в интернет-дискуссии *PÍSNÍČKA NA NÁSTUP: to jo, na tu by se nastupovalo samo* – букв. ‘Песня для построения: ну да, под эту **само бы строилось**’), при возможной контекстной или ситуативной импликации любого носителя, включая говорящего и адресата сообщения.

Глава 4 «Чешский рефлексивный пассив в исторической ретроспективе» посвящена становлению системы РПФ в чешском языке с учетом их конкуренции с некоторыми другими типами деагентивных конструкций.

Развитие РПФ в истории чешского языка не имеет однозначной трактовки. Так, принимая во внимание незначительную распространенность РПФ в текстах XIV–XV вв., Я. Гебауэр и позже Ф. Штиха утверждали, что основным средством обозначения «действия в пассивной перспективе» в древнечешском языке были не РПФ, а причастные формы; напротив, Б. Гавранек в работе «Genera verbi в славянских языках» настаивал на первичности для чешского языка РПФ, унаследованных им от праславянского.

В дополнение к материалу исследователей в работе проанализирован старейший чешский деловой памятник – «Рожмберкская книга» (1-я пол. XIV в.), в которой представлена запись первоначально устного права с формулировками, отражающими архаичный строй языка (в то время как тексты, изученные Я. Гебауэром и Ф. Штихой, имеют скорее книжный характер). Также и в «Рожмберкской книге» причастные конструкции преобладают над рефлексивными: РПФ (образованные от двух глаголов)

встретились всего четыре раза, причем в одинаковых сочетаниях: *vymaže se* (z desk) ‘сотрется (из книг)’; *pohoniec se* (z nároka, ze škody) ‘будучи призван к ответу (по обвинению, за ущерб)’. Тем не менее можно сделать вывод, что чешский язык, начиная с самого раннего периода развития, имел в репертуаре средств выражения пассивности прежде всего личные РПФ, безличные же были представлены чрезвычайно редко (ср. приводимые Ф. Штихой *praví se* ‘говорится’ и *čte se* ‘читаем’, букв. *читается*).

В остальном регулярное, системное средство «устранения подлежащего» в древнечешский период представляли собой нерелексивные формы 3 л. ед. ч., в случае форм прошедшего времени и сослагательного наклонения – с причастием на *-l* в мужском роде, типа *okolo toho města turkysóv najde mnoho* ‘близ этого города бирюзы находят (букв. *найдут*) много’, сохраняющиеся в диалектах, а в литературном и обиходном чешском языке наших дней вытесненные в сферу фразеологии: [je to] *co by kamenem dohodil* ‘[это] рукой подать’ (букв. *как бы камнем добросил*) и др.

В главе подробно анализируется функционирование данных конструкций с формами 3 л. ед. ч. (из которых Ф. Травничек напрямую выводил современные РПФ) в современных диалектах, а также в письменных древне- и старочешских памятниках. Установлено, что эти конструкции уже и в древнечешском языке не служили универсальным средством деагентизации, выражая прежде всего действие, приписываемое обобщенно-личному субъекту (но не неопределенно-личному). Частыми признаками такого действия были его повторяемость вплоть до узуальности, гномичность, вневременной характер: *A když již odejde od tej vlasti Karajam za pět dní cesty, najde jednu vlast jménem Ardandam...* ‘А когда **отойдешь** (букв. *отойдет*) от этой страны Караям на пять дней пути, **найдешь** (букв. *найдут*) одну страну под названием Ардандам...’. С анализируемыми конструкциями конкурировали другие средства выражения деагентивности (формы 2 л. ед. ч, 1 и 3 л. мн. ч.): *Z múřenínské země přijedú do Indie skrze rozličné veliké země a hory. Také nalézají v té vuodě mnohý úhoř... na cestě netoliko nalezněš nevěřící lid, ale i morděře i zhúbce lidské...* ‘Из мавританской земли в Индию **попадают** через различные большие страны и горы. Также в этой воде **находят** много угрей <...> по дороге же ты **найдешь** не только неверных, но также убийц и душегубов...’.

Ситуация в современных диалектах иная: формы 3 л. ед. ч. обозначают уже не только обобщенное, но и неопределенное лицо, а в конкуренцию средств деагентивности вмешиваются РПФ, ср. пример из центральночешской области: *Z bramborama sme jezd'ili. <...> To se **vijelo** <...> třeba f púl desátí, v deset, jag holt **mňel** vostrí koňe. Ve Gbele **se pokrmilo** – tam si **dali** dva buřti, chleba nebo houcku – a **vyjelo se** furt aš na visočanskej vrch* ‘С картошкой мы ездили. Тогда **выезжали** (букв. *выехалось*) в полдесятого, в десять, смотря какие быстрые лошади **были** (букв. *имел*). В Гбеле **покормились** (букв. *покормилось*), там **съедали** (3 л. мн. ч.) пару сарделек с хлебом или булкой и **поехали** (букв. *выехалось*) дальше на высочанскую горку’. Все чередующиеся в данном контексте деагентивные конструкции синонимичны и отсылают к одному коллективному агенту, который был конкретизирован в самом начале личной формой *sme jezd'ili* ‘мы ездили’, но далее стилизуется как «неопределенный».

Обобщенно-личное значение также продолжает быть характерным для данных конструкций, а некоторые диалектные примеры совпадают с древнечешскими буквально дословно, ср. совр. силезск. *ty japka se здају pjekne, ale jag ich **rozřež'e**, su fš'ecke chrobalive* ‘эти яблоки кажутся красивыми, но как их **разрежешь** (букв. *разрежет*), они все червивые’ и *když je (jablka) **rozřeže**, tehda jsú plna popela* ‘когда их (яблоки) **разрежешь** (букв. *разрежет*), они полны пепла’ из «Путешествия Мандевилла».

Далее на материале более позднего текста («Хроника Бартоша писаря», ок. 1534) прослеживается развитие в древнечешском языке конструкций с безличными РПФ: в указанном тексте находим уже не только ранее известные типы *praví se, čte se*, но формы весьма многочисленных глаголов, принадлежащих к различным лексико-грамматическим разрядам (речемыслительной деятельности, восприятия, движения и т. д.): *vůle královská jest, aby se o tu nesnáz přátelsky **jednalo*** ‘ибо на то королевская воля, чтобы об этом затруднении дружески **рассуждали** (букв. *рассуждалось*)’; *tu k tomu se **jde**, aby se **podalo** k jedení a ku pití* ‘тут для того **идут** (букв. *идется*), чтобы **дать** вкусить и испить (больному тело и кровь Христову; букв. *чтобы далось*)’; *ano i sedlského lidu se **opustiti nemůže*** ‘да и сельского люда **оставить нельзя** (= я не могу; букв. *не можется*); *d'ábel <...> poznal, že se tu mezi oči **prášilo** od lidí bohobojných*, букв. ‘дьявол <...> видел, что ему в глаза **порошилось** от людей богобоязненных’.

Эксерпции из «Хроники Бартоша» демонстрируют не только собственно лексическое, но и лексико-грамматическое разнообразие встречающихся в памятнике РПФ переходных, косвенно-переходных и непереходных глаголов, нередко также вступающих в сочетания с фазовыми или модальными глаголами, ср. ... *se opustiti nemůže* ‘оставить нельзя’ (= я не могу; букв. *не можется*); большая свобода обнаруживается и в плане предикации действия, выраженного РПФ, тому или иному лицу: семантический субъект может быть обобщенно- и неопределенно-личным, а также личным (включая участников коммуникации), ср. *Ač pak dosti obšírně o tom se psáti musilo...* ‘Хотя и **пришлось** (мне) **писать** об этом довольно пространно...’.

В результате анализа обследованного материала («Хроника Бартоша писаря» в сопоставлении с более ранними памятниками) в главе был сделан вывод о том, что становление в чешском языке системы личных и безличных РПФ, близкой к современной, можно датировать первой третью XVI в.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования. К наиболее важным из них относятся следующие:

1. Выделение континуума грамматических рефлексивных образований (рефлексивных форм), проведенное на основе последовательного разграничения лексической и грамматической рефлексивности, позволило выявить его четкую симметрично организованную структуру: в него входят личные и безличные рефлексивно-пассивные формы (граммемы категории залога) типа *dům se staví* ‘дом **строится**’ и *o tom se mluvilo* ‘об этом **говорилось**’, а также личные и безличные рефлексивные формы в так наз. «реляционных» конструкциях с валентностями для субъекта в дательном падеже и адвербиального квалификатора типа *tato písnička se mi poslouchá příjemně* ‘мне эту песню **слушать** (букв. *эта песня слушается*) приятно’ и *žije se mi dobře* ‘мне хорошо **живется**’.

2. Анализ структурно-функциональных (формообразовательных и синтаксических), а также коммуникативно-прагматических свойств конструкций типа *dům se staví* и *o tom se mluvilo* позволил определить их морфосинтаксический статус и считать их составляющими пассивного залога (РПФ). Рассматривать личные и безличные РПФ как части единого целого побуждает их одинаково свободное образование в принципе от любого невозвратного глагола, их одинаковая коррелятивность активным личным формам глагола, частое употребление одних и тех

же РПФ в личных и безличных конструкциях и возможность развертывания безличной конструкции в личную. При этом ядро рефлексивного пассива (и одновременно грамматической рефлексивности) составляют личные РПФ, у которых наблюдается фокусирование внимания на семантическом объекте в позиции подлежащего; безличные же РПФ оказываются в разной степени удаленными от этого ядра (максимально – «безактантные» РПФ в конструкциях типа *šlo se cestou necestou* ‘шли не разбирая дороги’, букв. *шлось*).

3. РФ в реляционных конструкциях, образующие периферию грамматической рефлексивности, не являются граммемами пассивного залога, так как они сообщают об иной ситуации, а не просто иллюстрируют изменение интерпретации говорящим той же ситуации. Область грамматической рефлексивности, таким образом, оказывается шире области рефлексивного пассива. Грамматичность указанных РФ проявляется в парадигматических связях реляционных конструкций с рефлексивно-пассивными. Регулярностью образования данных связей подтверждается тезис о высокой степени стандартности чешского формообразования.

4. Примарным значением личных и безличных РПФ является деагентивное значение с полной анонимизацией семантического субъекта, из чего следует, что основной функцией данных форм является информирование о действии / состоянии обобщенно- или неопределенно-личного субъекта; при этом разграничение обобщенно- и неопределенно-личности осуществляется с учетом не грамматических показателей, а условий контекста и конситуации. Коммуникативные условия также могут модифицировать первичное значение РПФ и предиктировать выражаемое ими действие / состояние любому субъекту, в том числе участникам коммуникации. Правомерно выделение контекстно обусловленных вторичных функций РПФ, а именно актуализирующей, модальной и побудительной.

5. Материал памятников чешской письменности XIV–XVI вв. позволяет проследить эволюцию континуума РПФ в истории чешского языка. Становление системы РПФ, близкой существующей в современном чешском языке, можно отнести к первой трети XVI в.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

1. Поляков Д. К. Структурно-семантическая характеристика пассивных конструкций в чешском языке на фоне русского (к проблеме межъязыковой асимметрии) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2010. № 6.

2. Поляков Д. «Устранение» субъекта в славянских языках в сравнительно-историческом и ареальном аспектах // Beiträge der Europäischen Linguistik (POLYSLAV) 13. München, 2010. S. 186–193.

3. Поляков Д. К. Потенциальные члены залоговых оппозиций в современном русском языке (на фоне других славянских) // Русский язык: Исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2010. С. 30–31.

4. Поляков Д. К. Безличность = иррациональность? (Славянские языки и теория А. Вежбицкой) // Материалы XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2007. С. 186–189.

5. Poljakov D. Je to blízko, co by kamenem dohodil: Deagentní věty s 3.sg.[m.] ve spisovné češtině a v českých nářečích // Slavistika v moderním světě (Konference mladých slavistů III). Červený Kostelec, 2008. S. 311–324.

6. Poljakov D. O jednom typu deagentních vět v současných slovanských jazycích, zvláště v češtině a ruštině // Slavistika dnes: vlivy a kontexty (Konference mladých slavistů II). Praha, 2008. S. 199–214.